

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ФЕРРАРИ

СТР.8-11

СТР.4-7

РАДИОНИЯНЬ

№29 (162)
ИЮЛЬ 2023

СТР.14-15

ЮРИЙ
МОРФЕССИ -
«БАЯН РУССКОЙ
ПЕСНИ»

ВОТ ТАКАЯ БАЙДА

СТР.16-17

ЗВЕЗДНЫЙ «ФОРСАЖ»:^{СТР.20}
С ЧЕГО НАЧИНАЛ ВИН ДИЗЕЛЬ

Геннадий Норд

Имя легендарной военной разведчицы Елены Феррари без малого столетие огласке не подлежало. Да и сейчас о ней известно не так уж много. Увы, тааковы законы драматургии. Или, вернее, законы профессии разведчика.

Если проанализировать то, что известно о закордонной деятельности Елены Феррари, то можно смело утверждать: её имя стоит в одном ряду с такими представителями прекрасной половины разведсообщества, как Зоя Воскресенская (сыграла не последнюю роль в том, что Финляндия в 1944 году вышла из войны) и Елизавета Зарубина, много сделавшая, чтобы у СССР во-время появилось атомное оружие.

При этом можно не сомневаться, что всех деталей служебной биографии Елены Феррари мы всё-таки не знаем, а может, и не узнаем никогда. Надо же понимать, что известное здание у метро «Полежаевская» - не районная библиотека. Но если ГРУ только едва приоткроет свои архивы, даже не сомневайтесь: книжные полки будут завалены бестселлерами. Впрочем, биографии даже рассекреченных грандов советской разведки не оставляют сомнений: история Маты Хари в сравнении с их судьбами даже близко конкурировать не может.

Для начала уточним: 16 июля 1938 года на спецобъекте «Коммунарка» по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР была расстреляна не капитан госбезопасности Елена Феррари, как утверждают многочисленные авторы, а капитан Рабоче-Крестьянской Красной Армии Ольга Голубева (в Разведупре были принятые воинские звания, а не специальные), которую обвинили в связи с троцкистами и работе на германскую разведку - для эпохи «большой чистки» это были и традиционные обвинения, которые выносили буквально под копирку, и традиционный приговор. При этом и те, кто выносил приговоры, и кто приводил приговоры в исполнение - нажимал на спусковой крючок, насколько можно судить по их биографиям, особым интеллектом не отличались.

Это был особый набор из числа так называемых активистов, нередко выходцев из самых низов, для которых служебное лакейство и политическая беспринципность стали путёвкой в жизнь. И с той поры, к сожалению, мало что изменилось.

...Железная леди меняла мужчин и псевдонимы, таранила яхты и редакции, но стихи все равно писались «так себе».

Вспомнился старый афоризм: «Каждый второй еврейский мальчик появляется на свет с мыслью стать великим русским поэтом». За точность не ручаюсь, но смысла понятен.

Так то, еврейские мальчики. А вот, чтобы еврейская девочка сподобилась и стихи писать, и политических оппонентов, как зайцев, отстреливать, да к тому же вербовать иноземцев, пропускать их пачками через свою постель, такое нечасто бывало. Но бывало. Как в случае с Еленой Феррари. Точнее, Ольгой Ревзиной. Нет, не Ревзиной, а Голубевой. Правильнее будет, Ольгой Голубовской. Или мадемузель Ирэн. Или леди Верой. Фу-ух, запуталася в этих именах-псевдонимах.

Когда императрица Екатерина II за-кладывала город на Днепре, то мечтала в будущем видеть Екатеринослав третьей после Москвы и Санкт-Петербурга столицей Российской империи.

К концу XIX столетия город стал одним из крупнейших промышленных центров благодаря открытию угольных и железорудных месторождений. Тут появились крупные металлургические заводы, развивалось машиностроение. Город окружили рабочие поселки. На стыке XIX и XX-го веков в Екатеринославе проживало около 200 тысяч жителей.

Среди них был и горный мастер Федор Ревзин, который прилично зарабатывал, а потому семья его - жена и двое детей Вова (1898 г.) с Олей (1899 г.).

- нужды не испытывала, жила разменно и с достатком, но болезнь супруги перевернула все карты. Заболевшую туберкулезом супругу, Федор Абрамович отправил на лечение в Швейцарию, «командировав» с нею и дочь в роли помощницы.

Ольга и в гимназии проявляла себя старательной ученицей, которой особенно давались иностранные языки. А уж за три года, проведенных в Европе, рядом с носителями языков, Ольга освоила немецкий с французским, позднее добавив к изученным еще и итальянский.

Однако, лингвистические успехи дочери не смогли оказать оздоровительного влияния на матушку. Последняя тихо умерла, а папенька, немного покоревав, привел в дом новую женщину, потому как настоящий горный мастер без женщины, это какой-то маркшейдер недоделанный.

Но дети такую разработку отца не оценили, решив «выйти в люди», не достигнув совершеннолетия, что впрочем, в Российской империи было вполне возможно, поскольку страна была на подъеме, и прожить работоспособным молодым людям не было проблемой.

В общем, четырнадцатилетняя Ольга вместе с братом ушли из дома.

Ольга попробовала себя в роли портних-модистки, помощницы по хозяйству в местной деревне, но городские флюиды все же оказались заманчивее, и она вернулась в город, устроившись на работу в фотоателье. Неведомо, что там за карточки печатали Ольга в темной лаборатории, но из фотоателье ее попросили, и тогда она устроилась на завод, где местная молодежная рабочая тусовка ее приняла в широко раскрытые объятия.

Уже работая, окончила шесть классов гимназии, была и разнорабочей на металлоизделийском заводе, и обидчиком боевиков артиллерийских снарядов, и литеищиком меднолитейного производства. Состояла членом Индустрального союза России и заводского комитета завода «Южный труд», была избрана председателем Совета одного из районов Екатеринослава.

Профком, завком, райком - эти ступени Ревзинна прошла еще до революции, в свои семнадцать лет.

Ещё в 1916 году Ольга вступила в партию большевиков, но уже через год по личности характера примкнула к анархистам и активно участвовала в формировании анархистского партизанского отряда имени М. А. Бакунина, командиром которого стал её брат.

Но жизнь такая штука, что сегодня ты на коне, а завтра - под конем. Вот и нашим анархисткам намели бока красные отряды, взяли в плен, а большевики-то особо с оппонентами не церемонились. Но, видимо, красивые глазки Оли убедили комиссаров в потенциальной полезности Ревзинных для дела революции, после чего брат с сестрой стали с таким энтузиазмом маятить красными флагами, что сомнений в правильности принятого решения ни у кого не возникло.

Да, забыл сказать, что в период анархической партизанщины, Оля нашла себе суженого из отрядных пиратов, которым стал некий Жора Голубев, по воспоминаниям соратников, парень крепкий, но туповатый. Поэтому, любовь из Олечки вскоре вывернулась, а когда Георгий Голубовский (так Ольга станет его именовать в своих будущих биографиях-объективках) пропал, то особенно женушка и не печалилась. Сотни других активистов-ухажеров крутились вокруг, и тут уж восемнадцатилетней амазонке надо было не промахнуться.

Она и не промахнулась.

Когда командир стрелкового отделения Ольга Голубева лежала в лазарете - в бою потеряла палец на левой руке - её навестил начальник советской военной разведки Семён Арапов, кстати, бывший штабс-капитан, который обратил внимание на привлекательную девушку, обладающую острым умом, свободно владеющую французским, немецким и итальянским языками. Потом к этому лингвистическому «положенному списку» добавились ещё ан-

ФЕРРАРИ

Памятника легендарной разведчице и поэтессе Серебряного века Елене Феррари в природе не существует. Разве что кинематографический - сериал «Легенда Феррари».

Начальник военной разведки
Семён Арапов

глийский и турецкий, но это было уже после того, как Ольга Голубева прошла обучения на Курсах разведки и военного контроля и стала Еленой Феррари - поэтессой, писательницей, музыканткой, светской львицей.

Похлопала она густыми ресницами перед комиссаром Семеном Араповым так, что тот просто ошалел от красавицы и сделал ей предложение, от которого она не смогла отказаться. Он предложил ей отправиться в Москву, на курсы контроля и разведки, в будущую Академию ГРУ. Чтобы после курсов вернуться под начало Семена Ивановича, который, как старый ястребок будет курировать молодую курочку. Это так думал Семен Иванович. Только он не мог предположить, что курочка будет оперяться стальными перьями, и сама хочет прокуривает и откурирует.

Говорили, что красавица Оля на допросах была безжалостна. А еще больше любила она становиться подсадной уткой в тюрьме. Сидевшие женщины ей отчего-то доверялись, а потом красавица являлась перед ними в ином обличье... Так это было или нет - не знает уже никто, но были в начале карьеры будущий шпион-диверсанти драматичные моменты.

Увлекшись допросом с пристрастием, она не заметила, что клиент захрипел, а потом замолчал навеки. Даже такие садисты, как Петерс и Дзержинский, нахмурили брови, требуя серьезного наказания для Голубовской. В кулуарах комиссарских казематов даже шептали о возможном расстреле. Но два Семена - к Арапову добавился и новый шеф-любовник Урицкий, разыграли защитную комбинацию, и пешка продолжила путь в ферзи.

Путь предстоял долгий. И для успешного эндишиля надо было проявить себя громко и ярко в дебюте.

Заброшенная в 1920 году во врангелевский Крым, новоиспеченный агент Голубовская, приступила к своему первому заданию. Ольга успешно внедрилась в ряды покидающих Родину воинов армии Врангеля и членов их семей. В невообразимой суматохе распознать в ней красного агента было практически невозможно. Видимо, сработала простая логика: коль скоро покидает Советскую Россию, стало быть, на то есть причины. Надо полагать, что и документы у «беженки» были в полном порядке, и легенду для нее придумали в центре вполне правдоподобную.

В начале 1921 года Елена Феррари была направлена в Турцию для выполнения специального задания, сыгравшего определенную роль в истории Белого движения, а может быть, и в истории России. Можно сказать, что это была тайна, но и в известном смысле и публичная операция, попавшая на страницы мировой прессы.

После эвакуации из Крыма часть армии Петра Врангеля обосновалась в

Вид дореволюционного Екатеринослава

Петр Врангель

Турции и оставалась серьезной угрозой для Советской России. Войска разместились на острове Лемнос, полуострове Галлиполи и в провинции Чалладже, а сам барон держал флаг на яхте «Луккул», которая прежде принадлежала русскому посольству в Турции и называлась «Колхида». Проще говоря, это был своего рода походный штаб, где хранились документы и казна, принадлежавшая Русской армии.

Здесь же Врангель, который не терял надежды возродить Белое движение, проводил встречи с европейскими партиями и служебные совещания. Считается, что к весне 1921 года русская эмиграция в Константинополе была в шаге от создания правительства в изгнании.

Разведчица, взявшая себе новый псевдоним Елена Феррари, разузнав распорядок дня и действий врага 1 Советской России, Елена приступила к операции. Для этого она приехала в Батум, откуда под итальянским флагом на океанский пароход «Адрия», очаровала механиков и пару матросиков и... стала ждать прихода корабля в порт Константинополя.

А там, эта океанская машина, завидев жертвенную яхту, развернулась на 90 градусов, и дала полный вперед по курсу на беззащитный «Луккул».

15 октября 1921 года итальянский пароход «Адрия» протаранил «Луккул». Форштевень парохода буквально насквозь прошел кабинет и спальню генерала Врангеля - как раз ту часть, где в это время должно было проходить очередное совещание, но по стечению обстоятельств его перенесли на квартиру ближайшего соратника барона редактора газеты «Общее дело» и по совместительству сотрудника врангелевской контрразведки Николая Чебышева.

Погибли трое из команды яхты, армясские документы и деньги пошли на дно, а это тоже было немало.

В общем, Врангель уцелел, но не исключено, что именно после гибели «Луккула» было принято решение перебраться куда-нибудь подальше, где у «рук Москвы» меньше оперативных возможностей. Врангель обосновался в Сербии, а войска перебросили в Болгарию.

Уже тогда не было сомнений, да и факты свидетельствовали, что покушению на Врангеля причастна советская разведка. Но никто даже представить не мог, какую роль в этой операции сыграла хрупкая девушка с «итальянской внешностью». Елена Феррари покинула

Екатеринослав, ныне ставший Днепром...

Екатеринослав.
Екатеринск. Проспект...Ekaterinoslaw.
L'Avenue Cathérine.

Окончание. Начало на с.9

Руководитель парижской резидентуры
Семён Урицкий

Яхта барона Петра Врангеля «Лукулл»

Елена Феррари
Турцию несколько дней спустя: дан при-

каз ей был на запад - сначала во Францию, а потом в Берлин, считавшийся одним из центров русской эмиграции, к которому советская разведка испытывала отнюдь не праздный интерес.

Начав с атаки на яхту, Елена Феррари стала атаковать редакции заграничных издательств, а также видных и полезных для дела заграничных мужчин. Редакции были ей нужны для того, чтобы протолкнуть свои стихи. Стихи, в основном, любовной направленности, только «неряшливо написанные», по мнению Горького. Похоже, что и стихи выполняли маскировочную функцию, позволяя дамочке внедряться в европейские творческие круги.

Феррари каталась по Европе, вербовала иностранных граждан, писала стихи и сказки. Задание ей сформулировали с пролетарской промтой: «вести разведывательную деятельность по разложению войск Антанты». Но об этом знали только посвящённые. Остальные и предположить не могли, что модница, блестящая в литературных салонах и регулярно посещающая Берлинский Дом искусств, на самом деле кадровый сотрудник военной разведки РСФСР. Именно на этих светских перекрёстках Елена Феррари познакомилась с Виктором Шкловским, Владиславом Ходасевичем, Иваном Пуни и итальянским футуристом Руджеро Вазари. Обратила на неё внимание и местная пресса.

Атаковала Феррари своими стихами и Виктора Шкловского. Тот, как неистовый женолюб с симпатичной дамочкой пообщался, но против истиной пойти не смог, определив стихи, как откровенно слабые. А вот о внешности авторши дал такую характеристику:

«У нее лицо фарфоровое, а ресницы оттягивают веки. Она может ими хлопать, как дверьми нескораемых шкафов...»

Видимо, это сравнение «с дверьми» понравилось и запомнилось Феррари, потому что через некоторое время появился такой стишок за её авторством:

В черном, кривом переулке

Визжит и зовет фокстрот.

Проходит шумно и гулко

Веселый, ночной народ.

Не плачь. Слезам не поверят!

Пей и пляши фокстрот.

И шлепают пьяные двери

Кафе, как неряшливый рот.

Не ускользнула начинаящая поэтесса, выпущенная в берлинском издательстве «Огонек» свой первый сборник стихотворений «Эрифилли», и от внимания Максима Горького. Тот побежал с ней, написав несколько полезных писем для развития творчества начинаящей авторши. Впрочем, стихи Феррари автору «Буревестника» не слишком нравились, а вот её прозу он намеревался опубликовать в своём журнале «Беседа». Но не довелось.

От своего сына Максима Пешкова, который, водил знакомства с сотрудниками ОГПУ, Горький узнал, что Елена Феррари, пересказывая свою биографию, «говорит о себе неверно». И тут же послышал предупредить Ходасевича, чтобы тот был поосторожней с юной поэтессой:

«На большевиков работает, служила у них в контрразведке... Она проторнила в Константинополе белогвардейскую яхту».

Это был провал, и Феррари от греха подальше пришлось оперативно возвращаться в Москву. Наверное, ГРУ известно, у кого из сотрудников оказался слишком длинный язык, но за давностью лет это не так уж и важно. А вот на стиль письма великого пролетарского писателя к Ходасевичу обратить внимание, пожалуй, стоит. Похоже, он не любил ни пролетариат, ни

большевиков, что, впрочем, не помешало Алексею Максимовичу написать идеологически выдержанную пастораль о Соловецком лагере особого назначения (печально известный СЛОН), откуда, собственно, и пошёл ГУЛАГ, опутавший колючей проволокой полстраны.

Нынче многие печатные и интернет-издания восторженно пишут о Елене Феррари, радуясь, как она крутила мужиковами, добывая информацию и строя агентурную сеть. Это нормально. Порой, правда, авторов подобных славословий заносит до того, что открывается удивительные вещи.

Например, что Елена Феррари завербовала Рихарда Зорге! Нет, не могли они общаться и быть в одной постели. Известно, что Рихард был ярым ходоком и женолюбом. Но то, что Зорге в 1924 году приехал из Германии в СССР, а в 1925 вступил в ВКП (б) - абсолютная достоверная информация. Примеч тут Феррари - непонятно.

Ну, да ладно. Конечно, были у агента Феррари и успехи, и неудачи. Во многих выручали и помогали ей знакомства с творческими людьми Германии, Италии, Франции.

И Елена Феррари надолго в Москве не осталась. Очередная её спецкомандировка была в Италию, где она отточила язык Франческо Петрарки до совершенства. В 1925 году Максим Горький, который прозрачно намекал, что Феррари лучше заниматься не стихосложением, а «чем-то другим», получил от неё в подарок сборник стихов («константинопольской» тематики, между прочим) на итальянском под названием «Принко». Не исключено, что это тоже был намек - что разведка и поэзия вполне даже совместимы. Кстати, в 1933 году за успехи на разведоприще Елена Феррари была награждена орденом Красного Знамени, а много позже её стихи вошли в антологию «Сто поэтесс Серебряного века».

Хорватский журналист и советский разведчик Бранко Вукелич

Сборник стихотворений «Эрифилли», позднее издание

Максим Горький

В 1920-е и 1930-е годы в Политехническом уже звучали стихи

...Но прежде была нечеловеческая усталость. После очередной загранкомандировки Феррари вернулась настолько вымотанной, что врачи порекомендовали ей сменить род деятельности, а командование Разведуправа зачислило в резерв. Но так уж вышло, что место трудовой деятельности Елены Феррари выбрали не очень удачное - Главный концессионный комитет, которым руководил Лев Троцкий, и это же, конечно же, «зачтёться» в 1938 году... Но только «логово троцкистов» энергичной Феррари было мало.

Она ещё успевала печатать стихи в дюжине изданий, включая главную военную газету «Красная звезда», которая тогда была в большом авторитете, и видеть своё имя на её страницах не зазорно.

Ну, и литературные диспуты в Политехническом. Так что эта традиция началась отнюдь не с Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулойной, Риммы Казаковой или Булата Окуджавы. В 20-е и 30-е годы прошлого века там звучали другие стихи:

Я люблю в вечернем храме
Ставить свечи к образам
И к тебе в широкой раме
Поднимать мои глаза...

Не берусь судить, могла ли Елена Феррари, если бы её навсегда отпусти-

ла разведка, стать бровень, скажем, с Мариной Цветаевой. Но разведчиков, как известно, бывших не бывает. И однажды в её квартире в Кривоколенном переулке раздался телефонный звонок «оттуда» - предстояла командировка во Францию на должность помощника руководителя парижской резидентуры, которую возглавлял Семён Урицкий (племянник Моисея Урицкого). Личность тоже легендарная. Это при его непосредственном участии была достигнута договорённость о том, что в обмен на передовые по тем временам военные технологии, немецкие лётчики и танкисты будут проходить подготовку на территории СССР (такая договорённость имела силу до прихода к власти Гитлера). И в Париже они вместе с Еленой Феррари славно поработали. Достаточно сказать, что разведчица провела определённую работу с хорватским журналистом Бранко Вукеличем, который потом вошёл в резидентуру Рихарда Зорге.

Наверное, могла бы сделать больше, если бы не объявился сподвижник Врангеля Николай Чебышев, который со слов Ходасевича на страницах парижской газеты рассказал об участии Елены Феррари в покушении на «Чёрного барона». Мало того, указал примету - отсутствие пальца на левой руке. И здесь никакая «перчатка с левой рукой, одетая на правую» не помогла бы.

Елена Феррари была отозвана в Москву. Вскоре в советской столице появился и Семён Урицкий, у которого работа «в поле» без помощницы не заладилась. Тем не менее, через некоторое время Урицкий получил звание комкора и возглавил Разведуправу РККА. А Феррари, уже орденоносец, как тогда было принято говорить, стала помощником начальника отделения первого (западного) отряда Разведуправы РККА. Что, впрочем, не помешало ей в период с 1935 по 1936 г. поработать в США. Подробностей об этом периоде её жизни нет. По всей видимости, эта страница в биографии Елены Феррари до сих пор под грифом. Известен разве что её оперативный псевдоним - «Вера».

Были планы ещё на одну командировку. Но наступил 37-й год, когда ее шеф Семен Урицкий крупно прокололся, а

за них потянули в казематы Лубянки и всю его разведкоманду.

Арестовали и Феррари.

В июне 1938-го приговор и тут же расстрелян.

Полигон «Коммунарка» далеко не поэтический Олимп.

А через два года расстреляли и её брата бригадного комиссара Владими-

ра Волю. Реабилитированы их только двадцать лет спустя. Но крылатый конь, любимец муз Легас, который изредка заскакивал к Елене Феррари, перепрыгнул на герб итальянской гоночной компании.

Так что, вполне возможно у красных гоночных болидов на небесах есть своя персональная болельщица. Почему нет?

А. С. Соколов

РАСПРЕДЕЛЕН

М. Урицкий

Фрагмент личного дела Елены Феррари

ДЕЛО

№ 537

Елена Феррари

Библиотечный инвентарный

Начато 1937 г.

Кончено 13. 11. 1937 г.

На 56 листах

Кроме этого имеется 25 листов

Выдана в 1937 г. в 1937 г.

Личное дело Елены Феррари

